

РАННИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА ПОЭТЕССЫ МАРИИ МОРАВСКОЙ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Ключева Ирина Васильевна

кандидат философских наук, доцент, Национальный
исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)
klyueva_irina@mail.ru

EARLY PERIOD IN BIOGRAPHY AND CREATIVE ACTIVITY OF POETESS MARIA MORAVSKAYA (MORAVSKY): CULTURE-HISTORICAL RECONSTRUCTION

I. Klyueva

Summary: The object of the study is the personality of the Silver Age poetess Maria Ludwigovna Moravskaya (Moravsky; 1889–1947), who left Russia in spring of 1917 and remained in the USA. The subject of the research is the early period of her biography and creative activity (1889–1907). The article introduces into scientific circulation the publications by Moravskaya (articles, essays, stories, interviews) not known in Russia and reveals the autobiographical information contained in them. Their authenticity is verified by comparison with the data obtained from the analysis of Russian periodicals of the early 20th century, memoirs of contemporaries, scientific works on the Russian political and cultural history.

Keywords: Russian culture at the beginning of the 20th century, the Silver Age of Russian poetry, Russian Revolution of 1905–1907, Russian abroad, M.L. Moravskaya (Moravsky).

Аннотация: Объект исследования – личность поэтессы Серебряного века Марии Людвиговны Моравской (1889–1947), покинувшей Россию весной 1917 г. и оставшейся в США. Предмет исследования – ранний период ее биографии и творчества (1889–1907). Вводятся в научный оборот не известные в России публикации Моравской (статьи, очерки, рассказы, интервью), является содержащаяся в них информация автобиографического характера. Ее достоверность верифицируется путем сопоставления с данными, полученными при анализе отечественной периодики начала XX в., мемуаров современников, научных работ по политической и культурной истории России.

Ключевые слова: русская культура начала XX в., поэзия Серебряного века, русская революция 1905–1907 гг., русское зарубежье, М.Л. Моравская.

В отечественную культуру вернулось имя Марии Моравской – автора стихов (лирических и детских), прозы, литературно-критических статей, русских переводов с нескольких европейских языков. В 1910-х гг. она считалась одной из самых интересных российских поэтесс, однако после отъезда за рубеж в 1917 г. была надолго забыта в нашей стране.

Наиболее важные современные исследования биографии и творчества Моравской – статьи литературоведов В.В. Попова, в частности, впервые опубликовавшего краткую автобиографию поэтессы, написанную в 1915 г. для литературного критика С.А. Венгерова [9], Р.Д. Тименчика [14], С.Г. Шиндина [16]. В большом числе публикаций, появившихся в последнее время в сети Интернет, лишь повторяются сведения, содержащиеся в работах указанных авторов.

Отметим, что даже в наиболее обстоятельных публикациях о Марии Моравской имеются ошибки, неточности, пробелы, тем более что в автобиографии, на которую опираются все авторы, поэтесса о многом умалчивает или говорит намеками. Данные лакуны трудно

восполнить, оставаясь в рамках исключительно литературоведения: для этого требуется использование культурологического подхода, ориентированного на междисциплинарность, привлечение работ специалистов в области политической и культурной истории России начала XX в. В данной статье рассматривается наименее исследованный период биографии Моравской – ее детство и юность (1889–1907).

Мария Магдалина Франческа Людвиговна Моравская родилась в Варшаве в польской католической семье 31 декабря 1889 г. по старому стилю, следовательно, по новому стилю – в 1890 г. Краткие сведения о раннем периоде жизни поэтессы содержатся в ее автобиографии, из которой известно, что с детства она испытывала нужду и горе: семья была бедной, мать умерла, когда Марии было два с половиной года; отец женился на сестре матери, от этого брака родилось несколько детей. Когда Марии было пять лет, семья переехала в Россию, остановившись в Одессе. С этого времени, по ее утверждению, она начала «русифицироваться», и единственным связующим звеном с Польшей для нее оставалась ее бабушка, рассказывавшая польские легенды и события из «эпохи

по-следнего восстания» [цит. по: 9, с. 183]. Моравская утверждала, что ее отец переменял в своей жизни много самых разных профессий, всегда стремился «к путешествиям и изобретениям», однако отсутствие средств и образования помешало ему реализовать свои мечты [см.: 10, с. 183]. Именно от отца Мария унаследовала свою страсть к путешествиям, определившую ее биографию и в значительной степени повлиявшую на тематику ее творчества.

Нам удалось найти разрозненную информацию о раннем периоде биографии Моравской в ее статьях и очерках, опубликованных в США. Она вспоминала, что отец внушал ей уверенность в собственных силах и способностях («Он всегда говорил мне: “Марусь, ты сможешь сделать все, что захочешь, и сделаешь это легко”. И поэтому я никогда не колебалась ни перед чем» [26, с. 5]), о том, что в 8-летнем возрасте она впервые попыталась совершить путешествие в Америку: взяв с собой маленькую сумку, пару бутербродов и большой кухонный нож «для защиты от пиратов», отправилась на железнодорожную станцию, где сразу же была задержана [21, с. 69].

В пятнадцать лет, не поладив с мачехой, девушка ушла из дома, практически порвав с родными, и начала зарабатывать на жизнь самостоятельно: частными уроками, перепиской, затем и литературным трудом.

Моравская утверждала, что была революционеркой с тех пор, как себя помнит [26, с. 3], выступая против «правления жестокой семьи Романовых...» [20]. В автобиографическом письме она утверждала, что была сначала польской патриоткой, потом социалисткой, что в 1905 г. с ней «происходили разные трагические события, о которых теперь нельзя говорить в печати», после чего она два раза – в 1906 и в 1907 гг. сидела в пересыльной тюрьме [9, с. 183]. Об этом же она неоднократно говорила в США, добавив, что была отмечена «пулей казака как русская революционерка» [22, с. 479].

Из этих текстов неясно, где именно Моравская участвовала в революционных событиях и где находилась в тюрьме. Исследователи единодушны в том, что все это происходило в Петербурге. Согласно их публикациям, уйдя из дома, она практически сразу уехала в имперскую столицу. Например, в «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» утверждается, что поэтесса юность провела в Петербурге [11, с. 501]. К такому выводу можно прийти, ознакомившись с речью поэтессы, опубликованной в одной из американских газет в 1917 г., где она говорит о «Кровавом воскресенье» (в газете этот день ошибочно указан как 9 февраля): «Мы мирно просили свободы и были за это наказаны» [20]. Однако, по нашему мнению, в данном случае, говоря «мы», Моравская имеет в виду не непосредственных участников шествия, а весь народ России. Мы считаем, что все

перечисленные выше события происходили с ней не в Петрограде, а в Одессе: подтверждение этому находим в целом ряде ее текстов.

Как известно, Одесса стала одним из тех городов Российской империи, где революционные события 1905–1907 гг. разворачивались наиболее остро. Уже с января 1905 г. город был наэлектризован энергией вражды: сторонники и противники революции были готовы к прямому столкновению. В демонстрациях, забастовках и собраниях активно участвовали даже школьники и гимназисты, среди которых была и Моравская. В рассказе «Черный город» (1919) она писала, что в «незабываемом» 1905 г. была в числе тех, кто «собирался в безлюдных местах, говоря о новой жизни»: «первая революция жила в моей памяти как первая любовь» [24, с. 585].

Утром 13 июня 1905 г. во время забастовки около завода Акционерного общества И.И. Гена появились единичные «сакральные жертвы», что послужило поводом к началу широкомасштабного восстания. Остановились трамвай и железная дорога, начали закрываться магазины: забастовка переросла во всеобщую. Прибытие в одесский порт в ночь с 14 на 15 июня 1905 г. мятежного броненосца «Князь Потемкин Таврический» ознаменовало начало «потемкинских дней». Тысячи горожан направились в порт, чтобы поддержать моряков. Толпа начала громить склады и поджигать доки. Прибывшие войска заблокировали гавань и открыли по толпе огонь, что привело к гибели большого числа горожан. Начались перестрелки, взрывались бомбы. 16 октября на улицах появились баррикады [8, с. 115].

Следующий всплеск напряженности произошел после 17 октября 1905 г., когда в Одессу пришли новости о манифесте Николая II, гарантирующем гражданские свободы. Начались стычки между монархистами и революционерами (большинство из которых были евреями) [15, с. 227], что привело к началу в городе еврейских погромов (18–22 октября). Именно в этот период Моравская была ранена на баррикадах и оказалась в больнице. В одном из интервью, данных в США, она вспоминала, что в эти дни некая «дружная идишская семья», у которой она в это время находилась, уговаривала ее остаться дома, но она вышла на улицу, присоединилась к «другим революционерам», была ранена на баррикаде, доставлена в больницу и на следующий день узнала из газет, что все члены «осторожного семейства» были убиты во время погрома [18, с. 178]. Отсюда следует, что во второй половине октября 1905 г. в Одессе она жила в еврейской семье, говорящей на идише. (Эти слова Моравской были впоследствии неверно истолкованы, и ее включили в США в число журналистов-евреев [19]. Данную ошибку повторяют и отдельные современные американские исследователи [17, с. 397].)

В автобиографии поэтесса пишет, что впервые ее стихи были опубликованы в 1906 г. в журнале «Свободная школа» [9, с. 183]. Этот общеученический литературно-общественный журнал выходил в Одессе в 1905–1906 гг. Его ответственным редактором-издателем был профессор Новороссийского университета известный хирург и анатом Н.К. Лысенков (1865–1941). Предполагалось, что журнал будет выходить раз в две недели, однако напечатаны были только два номера. Первый вышел в свет 25 декабря 1905 г., однако накануне, 24 декабря временный генерал-губернатор К.А. Карангозов подписал постановление о прекращении этого издания на все время существования в Одессе военного положения. Постановление нигде не было опубликовано и потому не было известно ни Лысенкову, ни другим членам редакции. 10 февраля 1906 г. профессор составил и отдал в печать второй номер журнала. 18 февраля, когда номер был отпечатан, по распоряжению цензора он был задержан в типографии. Лишь тогда Лысенков узнал о том, что издание запрещено [см.: 7, с. 46].

Практически все помещенные во втором номере статьи и стихотворения (подписанные псевдонимами) имели резко выраженный антиправительственный характер. Так, в статье «Наша школа» за подписью «Civis Romanus» говорилось, что молодежь «не может спокойно учиться в настоящее время, когда за стенами школы пули, нагайки и вопли раненых и убиваемых не дают возможности не только учиться, но и жить...» и выражалась вера в торжество новой жизни, «созданной на развалинах старой» [цит. по: 7, с. 43]. Неизвестный автор стихотворения «Наш лозунг – свобода» писал: «За счастье народа мы дружно стоим, / мы тяжкое рабство и зло сокрушим... / и бой мы готовы решительный дать / врагу за святую свободу... / Волю дадим мы народу...» [цит. по: 7, с. 43]. (Не исключено, что это стихотворение написала юная Моравская. Возможно, получив ранение, она лечилась в клинике Лысенкова: выдающийся хирург в эти дни часто оперировал раненых революционеров.)

3 апреля 1906 г. Лысенков был обвинен в «составлении и размножении сочинений, направленных к возмущению учащейся молодежи и призыве ее к восстанию» [цит. по: 7, с. 43]. Профессор своей вины не признал и отказался назвать фамилии авторов журнала. Было объявлено, что он предается военному суду. 8 апреля 1906 г. газета «Русские ведомости» сообщила, что 7 апреля в час ночи все университетские здания в разных местах города были окружены солдатами, казаками, конными и пешими жандармами и городовыми. Ректору предъявили предписание начальника жандармского управления об обыске университета: «Обыскали буквально все помещения... Особенно усердствовали в кабинете Лысенкова; в анатомическом институте забрали сорок венков, возложенных на гробы жертв октябрьских событий...» [цит. по: 7, с. 42].

12 апреля военно-окружный суд признал Лысенкова виновным в «составлении и напечатании с целью распространения статей, возбуждающих к бунтовщическому действию» и приговорил его к заключению в крепости на две недели без ограничения прав [12].

Моравская была непосредственным свидетелем и участником этих событий. В 1918 г. она писала: «Я знаю большевиков; я сама была большевиком в свои пятнадцать лет» [25, с. 666]. Поэтесса утверждала, что принимала участие в тайных собраниях революционно настроенных студентов, проходивших ночью в Новороссийском (Одесском) университете. Свет в большом зале не зажигали из конспиративных соображений, у некоторых студентов в руках были маленькие «еле-еле горящие фонарики» [25, с. 666]. Возможно, говоря о руководителе – «президенте» этих собраний, который также «был большевиком», Моравская имеет в виду Лысенкова, поскольку собрания проходили в анатомическом институте: «Выступающие поднимались на мраморный стол, на котором студенты-медики резали трупы... Семнадцатый из юных ораторов в семнадцатый раз повторил, что царизм должен быть немедленно свергнут, когда пришел наш сторож и, подойдя к президенту-большевику, сказал слегка дрожащим голосом: "...Полиции сообщили о нашей встрече. Товарищ с телефонной станции услышал это; пять минут назад был отдан приказ арестовать нас..."» [25, с. 666]. Зная нерасторопность полиции, «президент-большевик» принял решение продолжить заседание. Через полчаса вошел другой сторож и прокричал, что надо бежать: полк казаков получил приказ арестовать собравшихся. Узнав, что казаки находятся на Куликовом поле, «президент-большевик» сказал, что это далеко, и у собравшихся еще есть время. Мероприятие продолжалось еще почти полчаса, затем его участники спокойно вышли из зала и мирно разошлись: «...некоторые из нас встретили казаков и жандармов, во весь опор приближавшихся к университетскому зданию. Кажется, они поняли, что немного опоздали!» [25, с. 666].

Более точно установить время первого тюремного заключения Моравской помогает ее очерк «Это заставило ее плакать», опубликованный в 1928 г. в американском марксистском журнале «New Masses», тесно связанном с Коммунистической партией США. Поэтесса здесь прямо говорит, что находилась в центральной тюрьме Одессы, описывая условия содержания заключенных: «Мне жаль разрушать трагическую иллюзию, заключенную во фразе "русская тюрьма". Не все эти тюрьмы были ужасны. У меня было довольно чистое место; клетка напомнила мне маленькую белую коробочку; у нее было окно, выходящее на обширное поле. Это была самая солнечная комната, которая у меня когда-либо была – в тюрьме» [23]. По утверждению Моравской, «во время Первой думы» условия содержания политзаключенных значительно улучшились – им разрешили общие прогулки два

раза в день и даже посещение камер друг друга [23]. Эти воспоминания поэтессы полностью совпадают со свидетельством революционерки Надежды Яковлевны (Суры Янкелевны) Деркач: «Одесская тюрьма в начале 1906 года производила впечатление не тюрьмы, а гостиницы. Это было утро либерализма. Тогда Россия готовилась к созыву Первой государственной думы... Мы имели ряд привилегий, пользовались прогулкой два раза в день, переходили из камеры в камеру, получали свидания два раза в неделю, без ограничения числа посетителей. Записки передавались чуть ли не на глазах у тюремной администрации, свидания были личные, в присутствии помощницы начальника тюрьмы... Она нас не притесняла... Были у нас два раза в неделю свидания с товарищами из мужского корпуса, словом, не тюрьма, а дом отдыха» [1, с. 25–26].

Моравская рассказывает о некоей революционерке Кате, сидевшей в соседней камере: «Катя была русской повстанкой, ожидавшей суда за вооруженное сопротивление. Она и ее муж открыли огонь по полицейским, которые пришли их арестовывать...» [23]. Обвинительный акт по делу требовал смертного приговора, но поскольку члены Думы выступали за всеобщую амнистию для политзаключенных, окружающие надеялись, что женщину пощадят. Однако революционерка была приговорена к смертной казни и восприняла приговор совершенно спокойно: «Она разговаривала с нами во время обычной тюремной прогулки. Она написала несколько писем мужу и друзьям и просила нас тайно передать их. Она читала их нам: это были не личные письма, но революционные призывы; Катя хотела использовать свою смерть в пропагандистских целях... Мы плакали... и только одно лицо было совершенно спокойным, как у статуи. "Она настоящая революционерка!" – воскликнула я с юношеским восторгом... – ничто на свете не может заставить ее плакать!» [23]. Одна из заключенных рассказала, что однажды видела Катю плачущей, но это не уменьшило восхищения ею: в Одессе у нее нет родственников, поэтому после ареста некому было позаботиться о ее маленькой дочери и девочку отправили в приют: «Бедная девочка была полуголодной и бледной, как покойник, когда ее привезли сюда на ежемесячное свидание с матерью. Когда Катя посмотрела на нее, у нее началась истерика. Она рыдала и рвала на себе волосы... и ничуть не стыдилась этого» [23].

Для нас очевидно, что речь здесь идет о Екатерине Ильиничне (Хасе Эльвевне) Эрделевской (Фридзон; 1877 – после 1917). Одесса действительно не была ее родным городом, она родилась и выросла в Елизаветграде (Кировоград, с 2016 г. – Кропивницкий), была замужем за известным анархистом Константином Моисеевичем (настоящее имя Копель Мошкович; псевдонимы: Георгий, Густав-Александр и др.) Эрделевским (1876–1908), также уроженцем Елизаветграда. В период Первой русской

революции супруги Эрделевские были членами группы анархистов-коммунистов «Черное Знамя». 17 декабря 1905 г. Эрделевский организовал взрыв кофейни Либмана в Одессе. При аресте 31 декабря он убил четырех человек. Его соратники (арестованные раньше него) были казнены, Эрделевский симулировал сумасшествие, был помещен в психиатрическую больницу в Одессе, затем в Петербурге, откуда сумел бежать и уехать за границу. В конце 1907 г. он вернулся в Россию и активно участвовал в создании боевых групп анархистов, весной 1908 г. вновь был арестован, но освобожден за недостатком улик и продолжил подготовку групп террористов за рубежом. Осенью 1908 г. полиция выследила вернувшегося в Россию Эрделевского на конспиративной квартире в Виннице. Вместе с двумя другими анархистами он в течение 13 часов оказывал вооруженное сопротивление и, когда помещение было подожжено, застрелился [3, с. 715].

Хася Эрделевская с несколькими другими «чернознаменцами» в марте 1906 г. осуществила взрыв в помещении Одесского жандармского управления, в результате чего была уничтожена часть картотеки на членов революционных организаций [2, 158]. Вскоре она была арестована, оказав при этом вооруженное сопротивление, но пострадавших в данном случае не было: револьвер дал осечку. Тем не менее, 3 мая 1906 г. Одесский военно-окружной суд приговорил ее к смертной казни через повешение по обвинению в принадлежности к анархистам-коммунистам и стрельбе в городских при обыске квартиры [см.: 7, с. 106].

6 мая того же года газеты сообщали, что Лысенков, отказавшись представить свидетельство о болезни, «выразил желание немедленно отбыть наказание в крепости», а Эрделевская отказалась от подачи жалобы в главный военный суд [12]. Профессора университета выступили в защиту выдающегося хирурга и, отбыв назначенное заключение, он продолжил свою работу. Общество поднялось и на защиту Эрделевской: смертный приговор через полтора месяца был заменен на 20 лет каторги [7, с. 110], которую она отбывала в Сибири, в частности, в Мальцевской тюрьме (Нерчинская каторга) вместе с такими известными революционерками, как Н.Я. Деркач, Ф.Е. Каплан, М.А. Спиридонова и др. Находившиеся там же Ф.Н. Радзиловская и Л.П. Орестова вспоминали, что на каторге она страдала эпилептическими припадками [9].

У Эрделевской действительно был ребенок, но согласно архивным данным, это был мальчик: исследователь В.Н. Максимова обнаружила документы, согласно которым в мае 1910 г. в Мальцевскую тюрьму по разрешению начальника каторги был доставлен 4-хлетний сын Эрделевской, оставшийся без попечения вследствие смерти отца [4, с. 68]. Если в мае 1910 г. ребенку было 4 года, то весной 1906 г., когда Эрделевской был вынесен смертный приговор, ему не было и года, поэтому заклю-

ченые могли ошибиться в определении его пола. По неизвестным причинам, никто из бывших заключенных Мальцевской тюрьмы, вспоминая Эрделевскую, ничего не говорит о ее ребенке [см.: 6].

Таким образом, Моравской были хорошо известны условия содержания заключенных в одесской тюрьме весной 1906 г. Она была знакома с находившейся там анархисткой Эрделевской, в целом (хотя и не в деталях) знала об обстоятельствах ее ареста, о том, что у нее был маленький ребенок и что переживания за его судьбу были «слабым местом» фанатичной революционерки. Следовательно, Моравская в первый раз находилась в тюрьме, когда был вынесен смертный приговор Эрделевской (3 мая 1906 г.), значит, она была арестована вскоре после обыска в помещениях Новороссийского университета.

Обстоятельства и точную дату второго ареста Моравской нам пока выяснить не удалось, однако нет сомнений, что это также было в Одессе. Обращает на себя внимание стихотворение поэтессы «Перед ссылкой», опубликованное в 1913 г. в журнале эсеровского толка «Заветы». Здесь – те же, уже знакомые реалии одесской тюрьмы с относительно либеральными порядками: заключенные свободно ходят «гости» в со-

седние камеры, варят на спиртовке варенье из смородины (получая передачи, в которых есть сахар и свежие ягоды), «рассылают» варенье в камеры на других этажах. Однако тюремную «идиллию» прерывает сообщение о том, что приговоренных к ссылке завтра отправляют в Сибирь: «...Мы все три вздрогнули и встали, / И улыбок не могли вернуть. / И так сразу стало нам неловко / За фунтики бумажные на полу, / За все шуточки над пыхтящей спиртовкой / И за кружку варенья в углу. / Мы чуть слышно говорили о Сибири / И о том, что надо много сил, / И что жить одиноко в мире / Нас никто никогда не учил. /» [5].

В регионе, где находится Одесса, черная смородина поспевает в июле. Следовательно, Моравская находилась в одесской тюрьме в июле. Если к ссылке были приговорены не только ее соседки, но и она сама, то речь идет не о 1906, а о 1907 г., поскольку после такого приговора она вряд ли могла через год вновь оказаться в той же тюрьме.

Итак, из выявленных и проанализированных нами источников следует, что юность Марии Моравской связана не с Петербургом, а с Одессой. Именно здесь, а не в Петербурге она стала участницей событий Первой русской революции и покинула южный город не ранее 1907 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач Н.Я. По этапам и тюрьмам. М.–Л. Молодая гвардия, 1930. 96 с.
2. Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 430 с.
3. Кривенький В.В. Эрделевский Константин Моисеевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 875 с.
4. Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.). Дис. . . канд. ист. наук. Иркутск 2003. 206 с.
5. Моравская М. Перед ссылкой // Заветы. 1913. № 6 (июнь).
6. На женской каторге. Сборник воспоминаний. С предисл. и под ред. Веры Фигнер. М.: Изд-во политкаторжан, 1930. 234 с.
7. Обнинский В. Хроника. Апрель – июль 1906 г. // Обнинский В. Летопись русской революции. Т. 3. Дума и революция. Вып. II. Вне закона М.: В.М. Саблин, 1907. 144 с.
8. Омелянчук И.В. Еврейские погромы октября 1905 г. в Одессе и Киеве // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: Сб. науч. трудов. Вып. 3: Евреи и иудаизм в Российской империи и СССР. М.: Эдитус, 2021. С. 114–125.
9. Попов В.В. Мария Людвиговна Моравская. (Попытка портрета) // Русская литература. 1998. № 3. С. 181–217.
10. Радзиловская Ф.Н., Орестова Л.П. Мальцевская женская каторга. 1907–1911 гг. // На женской каторге. Сборник воспоминаний. С предисл. и под ред. Веры Фигнер. М.: Изд-во политкаторжан, 1930. С. 18–53.
11. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: [В 3 т.] / [Аверина С.А. и др.]. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-т, 2002. Т. 2. 720 с.
12. Телеграммы от наших корреспондентов // Речь. 1906. 13 (26) апр. С. 3.
13. Телеграммы от наших корреспондентов // Речь. 1906. 6 (19) мая. С. 4.
14. Тименчик, Р.Д. Моравская М.М.Ф.Л. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М–П / гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. С. 124–125.
15. Хамфри К. Одесса: погромы в городе-космополите // Антропологический форум. № 12. 2010. С. 213–247. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/>
16. Шиндин С. Из «теневого окружения» Мандельштама: Мария Моравская // OSTKRAFT / Литературная коллекция. Научное обозрение № 4–5. М.: Модест Колеров, 2021. с. 223 URL: www.ostkraft.ru.
17. Davin E.L. Partners in Wonder: Women and the Birth of Science Fiction, 1926–1965. Lanham [Maryland]: Lexington Books, 2006. 429 p.
18. Haggard S. Everybody's chimney corner // Everybody's Magazine. 1922. No 2, Aug. P. 177–178.
19. Jews «Who's Who» // Time. 1927. Dec., 12. P. 17.
20. Moravsky M. A Challenge from Russia Speech at the Conference Dinner // The Suffragist. 1917. Dec., 15. P. 12.

21. Moravsky M. America – from 10,000 miles away // The Red Cross magazine. 1920. Vol. 15, Jan. P. 68–69.
22. Moravsky M. I Don't Want to Be a Foreigner! // The Outlook. 1927. Aug., 10. P. 478–479.
23. Moravsky M. That made her weep // New masses. 1928. Vol. 3. No 11, March. P. 17.
24. Moravsky M. The Black City. A Story // The Harpers Monthly. 1919. Sept. P. 579–589.
25. Moravsky M. The greenhorn in America // The Atlantic Monthly. 1918. July. P. 663–669.
26. Moravsky M. Versatility – and how to achieve it // The author & journalist. 1934. Vol. XIX. No 9, Sept. P. 3–5.

© Ключева Ирина Васильевна (klyueva_irina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева